

Данный труд уже вносит большой вклад в сохранение культурного и исторического наследия народов, становится своеобразной моделью для подготовки аналогичных изданий в областях и республиках России. Выпущенный в 2005 г. фотоальбом "Народный костюм Пензенской губернии" полностью повторяет концепцию, структуру и формат книги "Чувашский костюм". Один из авторов, Г.Н. Иванов-Орков, был приглашен пензенским издателем для составления "чувашской" главы, а В.П. Иванов стал одним из научных консультантов этого фотоальбома.

"Чувашский костюм" издан в 2002 г. тиражом 10 тыс. экз. на русском, чувашском и английском языках, отпечатан в типографии в Финляндии, имеет альбомный формат, содержит 420 полноцветных иллюстраций. Высокое качество полиграфии и изысканность оформления ставят это издание в один ряд с лучшими произведениями книжного искусства.

Книга уже получила широкое общественное признание в Российской Федерации: в 2003 г. стала лауреатом всероссийского конкурса Ассоциации книгоиздателей России "Лучшие книги года", в октябре 2003 г. прошла успешную презентацию на четырех стендах Международной Франкфуртской книжной ярмарки. Авторская группа получила десятки отзывов о книге из федеральных и региональных музеев, библиотек, издательств, средств массовой информации с высокой оценкой ее значимости и новизны.

Совершенно заслуженно авторы издания "Чувашский костюм: от древности до современности" были удостоены в июне 2006 г. знака высокого общественного признания – Государственной премии Чувашской Республики за 2005 г. в области литературы и искусства.

ЭО, 2007 г., № 3

© **К.В. Корякин**. Рец. на: *K. Salein. Das Leben ist keine Himbeere: Perspektiven Jugendlicher in Kaliningrad*. Münster: Lit Verlag, 2003. 320 S.

В основе книги "Жизнь не малина. Перспективы молодежи в Калининграде" лежит диссертация молодого немецкого антрополога Кирстен Заляйн, в настоящее время научного сотрудника и преподавателя в Институте культурной антропологии и европейской этнологии университета Франкфурга-на-Майне. Являя собой образец постмодернистской науки, работа отличается характерными для эпохи признаками: отношением к выбору тем и манерой их обсуждения, значительным акцентом на саморефлексию, на анализ дискурсивных практик, восприятием "представления о реальности, которое само воздействует на реальность", своеобразной организацией книги в форме полевого дневника, отражающего развитие исследования как познавательного процесса в форме диалога познающего субъекта с объектом изучения. Автор постоянно определяет свое положение относительно объекта исследования, анализирует свои первоначальные установки и представления о его предмете и объекте и их динамику, оценивает степень своего влияния на поле, на научные результаты, подчеркивает, что она не ставит вопросы и не отвечает на них в собственном смысле, но соотносит их с дискурсивной и реальной материей (S. 27). Основу методического аппарата составили включенное наблюдение, неструктурированное интервью и фокус-группы.

Название книги не вполне отвечает ее содержанию. Молодежи в ней принадлежит отнюдь не главная роль. "Озвучивание" молодежи, а точнее студенчества, в качестве целевой группы лишь служило К. Заляйн путеводной нитью, а также средством некоей легитимации своего нахождения в поле. Фактически текст работы пронизывают более глубокие и серьезные проблемы: восприятие восточноевропейской культуры и истории западным обществом и научным миром, историческая судьба Восточной Пруссии, перспективы развития Калининградской обл. в условиях изоляции от основной территории России при отсутствии прочных основ идентичности и укорененности у жителей региона.

Первая из ключевых проблем – конструируемое в общественном сознании отграничение Западной Европы от России и стран Восточной Европы, западного общества либеральной демократии и процветания от вечно отстающего, плетущегося в хвосте неблагополучного и неустраиваемого Востока. Автор анализирует общественный дискурс в средствах массовой информации, в научной и художественной литературе, расхожие суждения и предрассудки. К. Залаян выделяет шесть основных аспектов, которые подчеркивают различие между Западом и Востоком (упадок, нужда и бедность, обращение с правом, отношение к окружающей среде, к культуре и истории, вкус), и приходит к осознанию, что "страх перед полем" изначально навязан ей политической коллективной восприимчивости "Востока", что вписано даже в научные тексты и модели. Эти же стереотипы она обнаруживает в образах "своих" и "чужих", в сознании и практической деятельности многих жителей Калининградской обл. (S. 10). Образ России и Восточной Европы, конструируемый в западном дискурсе – это образ противоположного, перевернутого мира, иного, нежели Европа (S. 15–16). Чтобы проследить механизмы и эффективность этого конструирования "другого", исследовательница стремится понять социальную практику в духе Фуко (S. 17). Критическому анализу подвергается и восприятие научным миром изменений, происходящих в последние десятилетия в двух европейских мирах: если процессы, происходящие на Западе, рассматриваются с точки зрения глобализации или транснационализации, то на Востоке постмодерн оценивается в духе перестройки (S. 18).

В этом контексте автор обращается к толкованию истории Калининградской обл. в немецкой историографии, для которой советский период оказывается как бы вычеркнутым, он отрицается и вытесняется. Как на немецких географических картах Калининград по-прежнему именуется Кенигсбергом, так и в литературе он представляется в отрыве от реальности, в духе воображаемого этнографического музея, "сказочного недостижимого города", вечно погруженного в туман "незабвенного" прошлого. Это политика коллективного вытеснения реальности в форме "заклипания духов" (S. 96). Не менее односторонен образ Калининграда в советской историографии. В ней – восхваление достижений советского времени, социального прогресса, экспроприации, коллективизации, покорения природы на фоне полного замалчивания истории до окончания Второй мировой войны (S. 98–99). К. Залаян также обращается к теме сохранения культурного и исторического наследия региона: прослеживает, как со времени захвата Восточной Пруссии менялось отношение к ее наследию у новых хозяев, показывает противоречия между местными властями и политикой Кремля.

Однако преемственности Восточной Пруссии и Калининградской обл. нет не только в историческом описании, но и в сознании жителей региона. Большинство из них – приезжие из других областей, и политика замалчивания прошлого, закрытость калининградского "плацдарма" в советский период – все это обуславливает амбивалентность в отношении к истории Кенигсберга-Калининграда и самоидентификации жителей. На фоне невзрачного, неприветливого советского Калининграда величественно смотрится вечно прекрасный, сияющий, но нереальный и недостижимый Кенигсберг (S. 70, 101). Автор показывает, как формируется такой образ города – не в последнюю очередь благодаря немецким туристам, наводнившим город, с их пристальным вниманием к небольшому сохранившемуся наследию Восточной Пруссии.

К. Залаян сама делает попытку дать краткий обзор социальной истории Калининградской обл. после ее занятия Советской Армией, сопровождавшегося почти полным уничтожением Кенигсберга, комендант которого отдал безответственное распоряжение защищать город до конца. Мы видим, как в первые послевоенные годы оставшееся население мужественно борется за выживание, как в 1949 г. депортируют этнических немцев, как под влиянием фальшивой пропаганды в область заманивают поселенцев со всего Союза, столкнувшихся здесь с невероятными трудностями восстановления почти полностью разрушенной инфраструктуры в условиях запрета на обратный выезд. Так рождается новый город и новая область со своим новым этосом, ментальностью, культурой, образом жизни. Что в нем от старого Кенигсберга и Восточной Пруссии, какую роль играют в сознании людей воспоминания о прошлом? На эти вопросы и стремится ответить исследовательница.

Центральное место в работе отводится своеобразному геополитическому положению области, параметрами которого стали, с одной стороны, ее близость к европейским рынкам, ситуация "окна в Европу", а с другой, – изоляция ее населения от основной России, ее культурного и социально-экономического пространства, а также угроза наркомании, распространения ВИЧ и т.д. Будучи в советские времена изолированной стратегической зоной с соответствующим режимом пребывания, безопасности, хозяйствования, область и после краха двуполярной системы мира не избавилась от недостатков положения в качестве эксклава.

К. Заляйн красочно описывает свое первое впечатление от встречи с реальностью российской и в частности калининградской обыденности. Как и большинство гостей из благополучных западных стран, впервые прибывающих в Россию, ее поражают "запачканный поезд" (S. 46), недоброжелательное отношение сотрудников железной дороги и таможенных служб, "пропахший мочой переход к вокзальному холлу" (S. 48), "неуклюжие бетонные строения" (S. 50). В первый момент с трудом воспринимаются многие общественные реалии, например то, что "каждый автомобиль потенциально является такси" (S. 49), подчеркнутое различие в обращении с мужчинами и женщинами и т. д. Показано, как все подобные моменты влияют на первое впечатление от страны и ее жителей, как все это формирует позицию исследователя.

Три экспедиции в Калининград позволили автору проследить определенные перемены, происходящие там под влиянием все большего вторжения элементов западной культуры, образа жизни, мышления. Автор выявляет, какое функциональное применение находят заимствования в российском обществе, как они преломляются в сознании людей и как со временем меняются их оценка и назначение.

К. Заляйн наблюдает жизнь Калининграда в очень сложный период: происходит финансовый кризис 1998 г., меняется расстановка политических сил в регионе, углубляется противостояние России и стремящихся к вступлению в Евросоюз новых балтийских государств. Тогда как население страны в целом становится жертвой просчетов в экономической политике правительства и неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, положение жителей области дополнительно отягчается поражением государства на внешнеполитической арене и связанными с этим негативными последствиями: появлением новых транспортных и таможенных барьеров, ограничением контактов с Россией, все большей изоляцией региона и предоставлением его на произвол судьбы.

Основной целью исследования среди студентов стало выявление навыков и практических знаний, необходимых для существования в соответствующей социальной среде, для реализации в калининградском контексте собственной личности, для того, чтобы ощущать себя ее органичной частью (S. 23). Исследовательница выясняет, какой жизненный опыт получают молодые люди в Калининграде, как они интерпретируют реальность в условиях постсоветских трансформаций и глобализации, какие возможности для действия есть у молодежи, в чем она ограничена. К. Заляйн стремится также узнать, какие мотивы движут молодыми калининградцами, к чему они стремятся, какие жизненные стратегии и тактики выбирают, какие ресурсы и средства используют при этом (S. 26–27). С этой целью она обращается к анализу ежедневной практической деятельности учащихся.

Несмотря на все трудности, с которыми приходится сталкиваться жителям Калининградской обл. в меняющихся условиях, автор не может не видеть и позитивных перемен. Жизнь здесь меняется на западный манер: все большую роль в общественной жизни начинает играть рынок, ранжируя население по "целевым группам с их целенаправленно установленной покупательной способностью" (S. 149). Область становится все более открытой, например, появляется возможность получить здесь немецкую визу, не отправляясь для этого в Москву. В Калининграде открывается все больше новых магазинов и бутиков с красочными витринами, освещенными и в ночное время суток, но их "немецкий" облик и соответствующее качество услуг предлагается все по тем же "немецким" ценам, недоступным большинству простых жителей. Здесь автор обращается также к теме мнимых угроз, исходящих от "Запада" и западного образа жизни, к тому, как их представляют студенты и, в особенности, те из них, кто придерживается крайне националистических взглядов (альтернатива ориентации на "западные" ценности). К разлагающему

влиянию Запада многие здесь склонны относить усиливающееся стремление к получению собственной выгоды, разгул проституции, распространение наркомании и ВИЧ.

К. Заляйн показывает несостоятельность многих предубеждений против Запада, которая подтверждается биографиями самих калининградцев, сумевших побывать, в частности, в Германии, приобщившихся к западному образу жизни и развеявших прежние предрассудки. Положительные сдвиги наблюдаются и в отношении к историческому наследию Калининградской обл. В современном общественно-политическом дискурсе его сохранению придается все большее значение. Пробуждается интерес к довоенной истории. У жителей развивается и укрепляется региональная идентичность, отождествление себя со своей малой родиной (или приютившим их "потерянным островом"), о которой они стремятся все больше заботиться, пытаюсь обустроить ее по-новому, в соответствии с требованиями времени.